

Андрей Кондратьев

Германская религия и христианство: теория «третьей церкви»

Андрей Викторович Кондратьев (р. 1984) – выпускник кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий редактор журнала «Империя духа».

В середине июня 1933 года, через пять с половиной месяцев после прихода к власти в Германии национал-социалистов, было опубликовано обращение «К мужчинам и женщинам германско-немецкого движения за веру» («An die Männer und Frauen einer germanisch-deutschen Glaubensbewegung»)[1]. Авторами этого воззвания были три человека: профессор Якоб Вильгельм Хауэр – индолог и историк религии из Тюбингена, лейпцигский философ Эрнст Бергман и Артур Дреус – философ, преподававший в высшей технической школе города Карлсруэ. О каждом из них следует рассказать более подробно, чтобы стал понятнее ход дальнейшего изложения и прояснился смысл подписанного ими религиозно-исторического документа.

Итак, Артур Дреус (1865–1935). К моменту выхода обращения он уже был известен как оригинальный философ, во многом близкий по своим взглядам к Эдуарду фон Гартману. Про Дреуса знали, что он – создатель некоторой философской религии, существенно выходящей за рамки христианства. Эта религия, которую Дреус пытался по мере сил проповедовать, была пантеистической, почти полностью лишенной ритуально-культовой стороны, но при этом поразительно характерной именно для Германии – страны, издревле «представлявшей благодатнейшую почву для пантеизма»[2]: в широком диапазоне от рейнского мистицизма, натурфилософии и практической магии древних германцев до недавней психологии глубин[3], ирминизма[4] и откровений Рудольфа Штайнера.

Если верить Генриху Гейне, то «пантеизм есть тайная религия Германии»[5] – вера философов и поэтов, с разной степенью осознанности мыслящих возвращение в изначальные времена. Дреус в этом смысле был типичным немецким романтиком: он исповедовал веру в имманентного миру бессознательного Бога, обнаруживающего себя в мире в качестве некоей высшей закономерности. Этот Бог по сути тождествен глубинной «самости», вечному основанию человека.

Ко всему прочему, Дреус был также известен затеянным им «крестовым походом» против историчности Иисуса. Это исследование, вошедшее в историю как «Миф о Христе», было комплектом сравнительной мифологии, собранным

наспех под единую самодовлеющую задачу – обосновать, что Христос никогда и не жил, а был только «кочующей легендой», бесконечно многоликой и от случая к случаю обрастающей новыми подробностями.

Вторая фигура нашего сюжета – Эрнст Бергман (1881–1945). Даже не будь он одним из «святых отцов» тевтонической религии, автором ее катехизиса о 25-ти тезисах, – даже и в этом случае Бергман бы все равно остался в германской культуре человеком, известным как продолжатель традиций немецкого идеализма. Он был действительно интересным философом, совмещавшим мистические откровения с сильной волей к доказательной убедительности.

В отличие от Бергмана, Якоб Вильгельм Хауэр (1881–1962) был не философом, а прежде всего религиоведом[6]: маститый тюрингенский этнолог, историк религии как по профессии, так и по призванию. В Германии, где по-другому бывает редко, Хауэра знают намного лучше, чем в России, – такая судьба сложилась оттого, что, дожив до восьмидесяти лет, Хауэр продолжал оставаться любимцем своих студентов и – более того – вдохновителем сразу нескольких общин тевтонических христиан, о которых мы расскажем в дальнейшем.

Начиналось все с того, что, приехав в 1906 году в Индию, молодой миссионер Хауэр бесконечно полюбил те остатки арийской архаики, которые сохранились в ритуалах индуизма. Даже по возвращении в 1911 году в свой приход, Хауэр сохранил увлечение индуизмом, вплоть до того, что через 10 лет главная кирха земли Вюртемберг лишилась одного из своих священников – на этом поприще была поставлена точка, и Хауэр погрузился в науку. Выдвигавшаяся христианством претензия на абсолютность своего откровения все более и более переставала казаться ему убедительной, по мере того как он постигал индийскую религиозность и знакомился с живыми носителями арийского мистицизма. Вера Индии показалась Хауэру более живой, более духовной и непосредственной, чем та версия западного христианства, ради проповеди которой он приехал в эту далекую страну – в надежде обратить в свою веру и в результате обратив эту веру к ее арийским истокам.

Так была распознана бессмысленность христианского миссионерства, однако, поскольку опыт никуда не пропадает, Хауэр стал проповедовать свою версию тевтонического христианства. Противоречия здесь никакого не было: искренне полагая, что у каждого народа должна быть своя религия, Хауэр посчитал неуместным навязывать индусам чуждое им западное христианство и вместо этого решил восстановить ту традицию, которая у Запада когда-то была, но со временем оказалась позабыта. Это был общий корень, из которого выросло древо индогерманского духа. Одна из ветвей протянулась на За-

пад, но со временем сильно усохла и нуждалась – так думал Хауэр – в ревитализации, вливании «живой жизни» и родственного (*arteigen*) смысла посредством сближения со второй из ветвей, явленной миру в индийской традиции. «Братья» должны наконец встретиться, узнать друг друга, перенять накопленный опыт, вспомнить общих пра-пра-предков и восстановить «семейный» (в лексике Макса Мюллера) и «культурно-круговой» (в понятиях Вильгельма Шмидта и Фрица Гребнера) архив религиозных символов и реликвий. Ради этого нужно создать *новую общину* или, как минимум, ежедневно молиться о том, чтобы эта община когда-нибудь возникла.

Тут Хауэр пошел по простому пути. Он основал журнал, получивший название «Грядущая община». В этом названии было что-то пророческое, да и на самих страницах журнала тревожно-эсхатологические интонации присутствовали постоянно. Это был (или, по меньшей мере, был так задуман) орган предстоящего религиозного возрождения, подлинным эпицентром которого должна была стать Рабочая община немецкого движения к вере (*Arbeitsgemeinschaft der Deutschen Glaubensbewegung*), или в виде более привычной аббревиатуры – ADG.

Первоначально община Хауэра располагалась в городе Вартбурге, неподалеку от Айзенаха. В ADG входили представители самых разных кругов – начиная от Союза свободно-религиозных общин Германии, Нордически-религиозной рабочей общины и заканчивая общиной «тевтонически-верующих» под руководством Альфреда Конна и Отто Зигфрида Ройтера. Через графа Ревентлова группа Хауэра вышла на контакт с Рудольфом Гессом и добилась официального признания со стороны партийной верхушки. Лично Хауэр был с 1933-го по 1944 год издателем главного журнала ADG – «Тевтоническая вера».

Само словосочетание «*Deutscher Glaube*» было своего рода пропуском в это мистическое сообщество, целиком ориентированное на возрождение потухших алтарей и воскрешение глубоких дохристианских культов и ритуалов. Прекрасно понимая, насколько это было необходимо нацистской партии, Хауэр писал в одном из своих писем (от 21 февраля 1933 года):

«Я чувствую себя совершенно единым с движением фёлькиш [...] и думаю, что [гитлеровская. – А.К.] партия несет в себе значительную часть немецкой субстанции, а это само по себе чревато великим будущим. [Однако] меня не покидает темное подозрение, что теперешний курс партии ко спасению не приведет. Если бы я мог иметь хоть малейшую надежду, что моя позиция будет партией признана и возымеет хоть какое-то воздействие, я бы не страшился принести ей любую жертву»[7].

Такая профессорская осторожность не помешала созданию «Грядущей общины», имеющей целью объединить оккультно-родноверческие круги Германии с немецкими патриотами из христианских конфессий. Фактически, это была попытка объединить все движение фёлькиш с уже существующим нацистским режимом – при полном понимании его несовершенства и с героической решимостью создать на Западе «третью церковь». Это был план «нордического экуменизма», попытка объединить мистических патриотов, принадлежащих различным мировоззрениям. Открытые враги христианства, остатки геккелевского «Союза монахов» протягивали руку язычникам, немецким христианам и просто свободомыслящим – членам Общины немецкого познания или распавшейся к этому моменту Имперской рабочей общины союза свободомыслящих немецкой республики – ради того, чтобы совместными усилиями возродить родноверческую религию (*arteigene Religion*), растущую из глубинных основ германского мистицизма. Множество возникших до или после Первой мировой религиозных сообществ (фёлькиш-ферейнов, церквей и разнообразных движений) нужно было объединить под единой главенствующей идеей возрождения древнейшей германской религиозности. Единственным объединяющим постулатом было желание воссоздать эту религиозность, выведя ее из народной традиции, а в конечном счете, из самого народа.

Названия этой религии существовали разные. Создатель науки теозологии Йорг Ланц фон Либенфельс призывал к возрождению религии рая, именуя ее «расоворелигиозной религией»[8], а также «мусической религией»[9], то есть, религией муз, бывших, по учению теозологии, предками современного человечества. Выразителем воли муз и отцом-основателем этой «мусической религии» был, по Либенфельсу, Моисей, или Мусей, в Пятикнижии которого содержатся главные догматы «расоворелигиозной религии» и даже «панарийской идеи»[10].

Ошибочно думать, что эта панарийская религиозная идея состояла в искоренении иных, неарийских, религий и в подавлении религиозного инакомыслия. Даже создатель современной версии арийского христианства Йорг Ланц фон Либенфельс, крайне строгий во всем, связанном с расологией, утверждал, что «истинный ариохристианин будет терпим ко всем иным религиям, ибо он видит в них необходимые и естественные, предусмотренные природой степени развития человеческих рас и типов»[11].

Авторами движения фёлькиш создавались различные модели иерархии религий, это «расовое религиоведение» исходило из постулата, что характер религии всецело определен характером расы, на базе которой эта религия получила свое развитие. При этом социологи религии движения фёлькиш исходили в своих построениях из физической антропологии, а психологи религии

– из психологии народов, оперируя в своих построениях понятием «расовая душа». К примеру, крупнейший фёлькиш-антрополог и психолог религии Людвиг Фердинанд Клаусс выделял шесть типов расовых душ, а соответственно, и шесть типов религий:

1. *Leistungsmensch* – «человек успеха» (достижения, результата), нордическая раса.
2. *Verharrungsmensch* – «человек упорства и застоя» (закоснения), фальская (дальская, атлантическая) раса.
3. *Darbietungsmensch* – «человек исполнения», средиземноморская (западная) раса.
4. *Offenbarungsmensch* – «человек откровения», пустынная (ориентальная) раса.
5. *Erlösungsmensch* – «человек спасения», переднеазиатская (алародская, арменоидная) раса.
6. *Enthebungsmensch* – «человек освобождения», восточная (альпинская, туранская) раса[12].

Подобных расовых типологий религии создавалось великое множество. Каждая из них учитывала отличие нордической религии от ориентальной (семитской), а в остальном они зачастую не совпадали. И, даже драматизируя конфликт «человека откровения» с «человеком успеха», не все авторы фёлькиш вставали на сторону последнего. Понятие «откровения» вызывало неприятие лишь у авторов, близких к позициям расового материализма (совокупно эту тенденцию принято именовать «людендорфианством»), тогда как у расовых мистиков все религии градируются по степени верности «изначальному богооткровению».

Принятые в антропологии прогрессистские установки, заставляющие в верованиях дикарей видеть изначальную (*primitive*) форму религии, в большинстве случаев отбрасывались, а обеим версиям западного христианства отводилось почетное место. И, тем не менее, на месте католичества и протестантизма расовые эзотерики и ариософы предлагали утвердить возрождаемую ими мусическую (то есть расоворелигиозную) религию, в основе которой была бы не литургико-догматическая, но расово-эзотерическая практика, известная авторам Ветхого Завета и совершенно забытая в современных религиях.

«Сегодня христианские церкви впали в ритуалистическое и догматизирующее безумие. Из расовых законов они сделали свои литургические и догматические положения, касающиеся еды, и вместо живого Теозоя, как живуще-

го в человеческом теле Бога, они создали Бога своих мыслительных и вероучительных формул»[13].

Рубеж XIX–XX столетий зародил во многих «германских душах» желание кардинального изменения жизни, которое, в силу специфики немецких традиций, направлялось, как правило, по двум руслам. Первое было реформацией религиозной. Тогда возникает теория предстоящей второй Реформации (в изложении Гвидо фон Листа[14]) или даже третьей, – как того требовал Юлиус Лангбен, полагая, что первой Реформацией была реформация Лютера, а второй – реформация эпохи Просвещения, предпринятая Готхольдом Эфраимом Лессингом[15].

Эти идеи получили сегодня широкое церковно-общественное признание, особенно в кругах экуменистов и сторонников обновления церкви. В современной Германии эта идея возрождается сначала в работе Христиана Шварца[16], а затем – у его последователя Вольфганга Симсона, который формулирует «15 тезисов о реинкарнации церкви», где утверждает, что первая Реформация (лютеровская) была исключительно реформацией теологии:

«Лютер реформировал содержание Евангелия, но структуры внешних форм «церкви» он оставил в неприкосновенности. Свободные церкви [*Die Freikirchen*] освободили эту церковную систему от государства, баптисты ее покрестили, квакеры после этого проделали сухую чистку, Армия спасения одела ее в униформу, пятидесятники совершили над ней обряд помазания, а харизматики обновили ее, однако вплоть до нынешнего времени она остается в сущности той же самой»[17].

Вторая Реформация, наступившая в эпоху пиетизма (XVIII век), также не привнесла сущностных изменений, так как она была лишь реформацией духовности, *eine Reformation der Spiritualität*. Теперь в церквях Запада наступает долгожданная третья Реформация, которая должна стать, по мнению Вольфганга Симсона, реформацией самих церковных структур. Церковная община должна переместиться в дома и составлять не более 15 человек. Как только количество членов общины начинает превышать эту цифру, церковь должна разделиться надвое. Такая домовая церковь (*Hauskirche*) в модели Симсона – это совсем не часть церкви, а именно церковь, как она есть, вернее, должна быть. Старый принцип «максимум организации и минимум организма» должен уступить место новому принципу – «минимум организации и максимум организма». Коммунитарность, теория малых групп и мечта о возвращении к временам раннехристианских общин – вот что движет Симсоном.

Вторым направлением изменений было так называемое *Lebensreformbewegung*[18], то есть движение за целостное обновление жизни. Оно было

крайне многосторонним, однако при этом, как верно сформулировал еще в 1904 году Эрнст Гункель, все эти «реформаторы аграрных порядков, реформаторы искусства, социума и экономики, все почитатели Бисмарка, Вагнера, Гобино и Чемберлена, все друзья немецкого флота и враги римского Папы, все антисемиты, защитники родины, очистители языка, поборники древних обрядов, сторонники трезвости, народные воспитатели и как там они еще называются» – все они имели общую «конечную цель» (*Endziel*), а именно: расовое и религиозное «возрождение немецкого народа», и перед лицом этой конечной цели все они соединялись воедино[19].

Поскольку нас в данной работе интересуют именно религиозные сообщества, мы предлагаем остановиться на наиболее влиятельном объединении разных фёлькиш-религиозных общин (правило «не более 15 человек» на них не распространялось, но при этом под определение «малых религиозных групп» подходит любая из них). А именно, на породившем общество «Thule» так называемом «Германском ордене»[20], который возникает в 1912 году и в 1920-е имеет в официальном списке своих подразделений следующие организации:

- Всенемецкий союз (Берлин),
- Фёлькиш-немецкий рабочий круг (Берлин),
- Немецкий союз творцов (Гамбург-Бургедорф),
- Немецкий орден (Доннерсхаг),
- общество «Thule» (Мюнхен),
- союз «Германцы» (Лейпциг),
- Община немецкого обновления (Лейпциг),
- Общество немецко-германской культуры (Хемниц),
- Национал-социалистическая рабочая партия (Мюнхен),
- Сверхнациональный союз арийцев (Данциг-Лангфур),
- Немецковерующее общество,
- Общество Гвидо фон Листа (Берлин–Вена).

А также множество других менее значительных организаций, представлявших разные направления фёлькиш-религиозности и различные регионы Германии и Австрии.

Все вместе эти организации образовывали сетевую структуру, внутри которой были свои центры притяжения и отталкивания, свои религиозные догматы и, конечно, свои разномыслия. Чаще всего они строились по принципу

тайных обществ и имели оккультную символику, издавали малотиражные журналы и были ориентированы на тотальную реформу жизни всего человечества.

Для того, чтобы последующий разговор о (не)возможности характеристики этих обществ как «арийских сект» был не лишен оснований, мы предлагаем внести некоторую ясность в определение того, что в современной науке о религии понимается под «сектой», а для того обратимся к авторитетному исследованию Курта Рудольфа «Сущность и структура секты», впервые представленному в качестве доклада на конференции «Антропология и эсхатология» (Зальцбург, 1979). В этом докладе Рудольф четко формулирует следующее:

«...Секта – это религиозная группа или община, образованная в рамках религии основателя (*Stifterreligion*), религии книги (*Buchreligion*), религии Откровения (*Offenbarungsreligion*) или религии вероучения (*Bekennnisreligion*). Она чаще всего уступает по численности адептов и распространению официальной общине (“церкви”) и восполняет какой-то из ее [официальной церкви] вероучительных дефицитов. Короче говоря, секта – это, говоря языком религиоведения, “малая община” в противоположность господствующей “большой общине”. К ее важнейшим сущностным чертам относятся, в первую очередь (по меньшей мере теоретически закрепленные, но на начальном периоде всегда присутствовавшие в практике):

1. добровольный характер (в противоположность присущему “большой общине” официальному характеру, который может быть санкционирован государственно);
2. отрицание “большой общины” или определенные черты (в учении или практике) связанного с этим протеста против нее и против освящающего ее государственного авторитета;
3. постоянное возвращение к определенным избранным страницам учения об Откровении (в теории или на практике);
4. часто вырождающаяся в ригоризм претензия на правильное учение и правильное поведение [...];
5. харизматическая личность вождя (принцип религиозного авторитета основателя и руководителей секты);
6. элитистское мышление (“религиозное избрание” становится частью практики);

7. диалектически с этим связанный конгрегационализм, то есть идея братства, доминирующая так же и в практике, что вполне выполнимо вследствие небольшой величины общины.

Остальные черты и характеристики более характерны для крупных религий»[21].

Исходя из данного определения фёлькиш-организации и общины германской веры под понятие секты вообще не подпадают: *casus voelkisch* настолько уникален, что ставить его в один ряд с «другими сектантскими организациями» было бы научно некорректно. Но даже если предположить, что некоторые признаки секты могли бы иметь отношение к фёлькиш-общинам, то нужно рассматривать каждый случай в отдельности, прикладывая признаки секты к каждой отдельной религиозной группе.

Разумеется, признак добровольного членства присущ скорее несектантским организациям, и в этом модель Курта Рудольфа несовершенна. Сектантские организации скорее недобровольны, и если уж добровольное членство есть постоянный их признак, то сектами нужно признать и Русскую православную церковь, и множество христианских деноминаций Запада. Вот что заметил в этой связи один из крупнейших специалистов по движению фёлькиш, берлинский профессор Уве Пушнер:

«...понятие секта является непригодным для характеристики фёлькиш-групп, тем более что ни одна из них не понимала себя как ответвление некоей церкви. Фёлькиш-религиозные организации желали быть признанными в качестве религиозных общин, что им никогда не удавалось – достаточно взглянуть, хотя бы, на историю движения немецких христиан»[22].

Потому и второй признак секты к движению фёлькиш (в варианте «Германского ордена» или общин унитариев) мы полагаем неприменимым. Ни от какой «большой общины» они никогда не отпадали, но были самостоятельным явлением, родившимся под влиянием христианских церквей, но не внутри них. Момент «реактивности» и «протеста» в случае немецких богоискателей (*Suchbewegung*) был вторичен, он доминировал лишь в «движениях протеста» (*Gegenbewegungen*), в выражениях антиримских (*Los von Rom*), антииудейских (*Hammer-Bewegung*) и прочих аффектов.

Третий признак, имеющий отношение лишь к религиям книги и религиям Откровения, вообще не присущ как общинам германских пантеистов, так и свободомыслящим, вошедшим в поток *Glaubensbewegung*. По этому признаку мы можем определить как сектантство любую христианскую церковь, и потому мы не будем рассматривать его всерьез. Возвращение к истокам есть основа

любой религиозности, как считал, скажем, Мирча Элиаде[23]. Но вот претензия на истинность собственного понимания бытия, доходящая до ригоризма и дуалистической аффектации, – это действительно было присуще мыслителям фёлькиш, видимо, не без влияния той ситуации в Германии, когда многими таковой смысл бытия был утерян. Но даже и здесь о напряженности ригоризма мы можем судить только по ранним работам, относящимся к ранней стадии развития доктрины и утрачиваемой уже к середине 1930-х. Это особенно видно на примере религиозного гения Ланца фон Либенфельса, чья полемическая горячность всюду проявлялась в листовках «Остары», но угасала уже в томах «Библиомистикона» (1930-е) и особенно «Фестивариума» с «Имагинариумом» (1950-е). Показательно, что искатели «окультурных корней нацизма» эти работы даже не рассматривают.

Присущее Хауэру и другим фёлькиш-мыслителям «темное подозрение, что теперешний курс партии к спасению не приведет», было итогом размежевания при нацистах двух линий фёлькиш: *Gegenbewegung* одержало верх, потеснив богоискателей-*Suchbewegung* арены исторической жизни. И даже вождь, под именем которого расписался электорат из *Gegenbewegung*[24], никак не симпатизировал германству: Гитлер неоднократно говорил, что греко-римская древность ему интереснее, чем немецкая, и потому вождем германофилов он так никогда и не стал. Отдельные попытки постфактум прославить его как «аватара» потребовали слишком сильной эстетической стилизации и большинством участниками фёлькиш так никогда и не были приняты. Наоборот, Герман Вирт создал великую философию антивождизма, показывая порочную суть вождей, несущих искоренение материнского права, утрату атланта-матриархальных корней, присущих, по мнению этого палеоисторика, очень многим цивилизациям[25]. Тип мужчины-сектостроителя (будь то Вотан или Моисей) вытеснил тип созерцателя и романтика – в этом Вирт обвинял пришедшую с патриархатом вождистскую веру, подменившую собой прарелигию.

Культы братства и общины избранных – это свойство любой эзотерики, и наличие этого признака заставляет нас ставить общины фёлькиш в один ряд с розенкрейцерами, тамплиерами и масонами, что нередко проделывали и сами мыслители фёлькиш: к примеру Гвидо фон Лист, находивший древних арманов во всех средневековых мистических братствах[26], или Ланц фон Либенфельс, для которого ариософы – это и цистерцианцы, и бенедиктинцы, и тамплиеры, и розенкрейцеры. В этом широком выстраивании генеалогий («ариософия сквозь века») содержится замечательный пример нордического экуменизма, о котором мы говорили выше: не притязая на общедоступность, ариософы выражали свою панарийскую религию как широкий экуменический проект, затрагивающий древнейшие эпохи и различные церкви. Так, при

наличии расового подхода фёлькиш-религия оказывалась терпимой и, будучи глубоко аристократичной, отвергала расовый материализм.

Движение фёлькиш стремилось зарастить раскол между двумя церквями Запада, в связи с чем рождалась мечта о «третьей церкви» – церкви германского народа, свободной эзотерической общине, толерантной к носителям иных мировоззрений и даже к представителям иных рас. В итоге мы видим, что для определения фёлькиш-союзов понятие «секта» (особенно в современном его «тоталитарно-деструктивном» варианте) является неприемлемым: общины германских мистиков были глубоко конструктивны, стремились к экуменическому объединению и внутренне противостояли национал-социализму, даже в тех случаях, когда формальное подчинение его правилам оказывалось необходимым условием их самосохранения. Мы предлагаем обозначать фёлькиш-организации понятием «малая религиозная группа», оставляя оценочное понятие «арийская секта» тем публицистам из лагеря профессиональных фашизмоведов (*Faschismus-Forscher von Beruf*), которые не являются исследователями религии, но лишь штампуют громкие оценочные фразы.

[1] Подробнее см.: Nanko U. *Die Deutsche Glaubensgemeinschaft. Eine historische und soziologische Untersuchung*. Marburg, 1993.

[2] Гейне Г. *К истории религии и философии в Германии*. М.: Прогресс, 1994. С. 103.

[3] Психология глубин – принятое название учения Карла Густава Юнга о коллективном и индивидуальном бессознательном.

[4] Ирминизм – магическая школа Карла Марии Вилигута, adeпты которой практиковали руническую йогу и создали космотехническое учение на стыке новейшей физики и германской языческой веры.

[5] Гейне Г. *Указ. соч.* С. 103, 172.

[6] Одна из важнейших его работ, посвященная Бхагавадгите, разбирается в отдельной статье: Кондратьев А.В. *Бхагавадгита в третьем рейхе // Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 7–10 февраля 2007 года*. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. С. 628–637.

[7] Gugenberger E. *Jacob Wilhelm Hauer: Das Christentum wird deutsch // Gugenberger E. Boten der Apokalypse: Visionäre und Vollstrecker des Dritten Reichs*. Wien, 2002. S. 39.

- [8] Liebenfels G.L. von. *Bibliomysticon oder Die Geheimbibel der Eingeweihten. Ariosophische Bibeldokumente und Bibelkommentare zu allen Büchern der Heiligen Schrift, auf Grund der anthropologischen und archäologischen Forschungen und der arischen, klassischen und orientalischen Bibelversionen zusammengestellt. Bd. V: Moses, der Musespriester.* Berlin, 1934. S. 89.
- [9] Ibid. S. 97.
- [10] Ibid. S. 93.
- [11] Idem. *Rassenmystik, eine Einführung in die ariochristliche Geheimlehre // Ostara.* 1915. № 78
(www.archive.org/details/RassenmystikEineEinfuehrungInDieAriochristlicheGeheimlehre).
- [12] Clauß L.F. *Rasse und Seele.* München: Lehmann, 1943; см. также: *Rassenseele und Einzelmensch.* München: Lehmann, 1938.
- [13] Liebenfels G.L. von. *Bibliomysticon.* S. 166–167.
- [14] List G. von. *Die zweite Deutsche Reformation // Odin.* Ein Kampfblatt für die alldutsche Bewegung. 1899. Bd. I. Vol. 1. S. 5–7; Vol. 2. S. 2–3.
- [15] Langbehn J. *Rembrandt als Erzieher. Von einem Deutschen.* Leipzig, 1909. S. 171.
- [16] Schwarz Ch.A. *Die dritte Reformation. Paradigmenwechsel in der Kirche.* Neukirchen-Vluyn: AUSAAT Verlag, 1993.
- [17] Simson W. *15 Thesen zur Re-Inkarnation der Kirche // Simson W. Häuser, die die Welt verändern.* Emmelsbüll/D: C&P Verlag, 1999
(www.hauskirchen.ch/content/view/13/28/).
- [18] Sigwart H.-J. *In Corpore Salus? Entfremdung und Leiblichkeit in der Bewegung der «Lebensreform» um 1900 // Schabert T. von, Riedl M. (Hgs.). Die Menschen im Krieg, im Frieden mit der Natur.* Würzburg, 2006. S. 65 ff.
- [19] Hunkel E. *Deutsch-völkische Arbeit // Heimdall.* 1904. Bd. 9. S. 123.
- [20] Sebottendorff R. von. *Bevor Hitler kam. Urkundliches aus der Frühzeit der nationalsozialistischen Bewegung.* München, 1933. S. 33.
- [21] Rudolph K. *Wesen und Struktur der Sekte // Rudolph K. Geschichte und Probleme der Religionswissenschaft.* Leiden: Brill, 1992. S. 233.
- [22] Из личной переписки автора, письмо от 28 февраля 2008 года.
- [23] Eliade M. *Cosmos and History. The Myth of the Eternal Return.* New York: Harper & Row Torchbooks, 1955.

[24] Особенно яркие манифесты такого электорального приспособления к господствующей идеологии (*Gleichschaltung*) подобраны в сборнике: [Философия вождизма. Хрестоматия](#) / Под ред. В.Б. Авдеева. М., 2006.

[25] Wirth H. *Um den Ursinn des Menschseins. Die Werdung einer neuen Geisteswissenschaft*. Wien, 1960. S. 85, 83.

[26] List G. von. *Die Armanenschaft der Ario-Germanen*. 3 Aufl. Berlin, 1922.